

РАЗДЕЛ ОДИННАДЦАТЫЙ

осыльный из сельсовета, переходя от хаты к хате, сзывал нас на общее сельское собрание, которое должно было состояться в ближайшее воскресенье в полдень. Другой посыльный приказывал явиться на собрание нашей сотки в то же воскресенье вечером.

Два собрания в один день! Это был явный признак, что назревают незаурядные события. Никто из нас и не догадывался, что это может быть, но в то время мы ждали только арестов, высылки или даже расстрелов. Вот и воскресенье наступило, состоялись и первое, и второе собрание — и для многих наших односельчан оправдались наихудшие опасения. Только жертвами на этот раз стали не простые крестьяне, а сельские верховоды.

Общее собрание проводилось в сельском клубе — нашей бывшей церкви. На сцене заседал президиум, состоявший главным образом из людей, которых прежде в селе никто не видел. Все они были солидные, даже сердитые. "Товарищ Цейтлин", открывая собрание, представил нам этих чужаков. Первым он назвал уполномоченного райпарткома. Другие были высшими в районе партийными и советскими "сановниками": секретарь райкома партии, "комиссар" от МТС, "комиссар" от ГПУ, председатель райисполкома. Мы уже наслышаны были об этой пятёрке, потому что ходили слухи среди крестьян, что она разъезжает по сёлам района, арестовывая налево и направо людей без явной вины.

Первым выступил уполномоченный райпарткома. Суть его выступления состояла вот в чём. Заблудившийся муравей ничего не стоит: он быстро пропадет в поисках пропитания,

любой может безжалостно его растоптать, как что-то назойливое, или как-то иначе уничтожить. Кому нужен заблудившийся одинокий муравей? На деле чего-то стоит лишь муравейник, поскольку в нём жизнь муравьёв защищена и увековечена. Муравьи лишь тем и держатся на свете, что живут совместным и чётко организованным муравьиным коллективом. Муравья без муравейника трудно даже представить. Так и с людьми: одинокие — беспомощные в мире; их кто угодно может эксплуатировать, преследовать, бросить в забытьё или даже уничтожить. Только в коммунистическом обществе человеческая единица найдёт свое счастье, благосостояние и волю. Коллективное хозяйствование — это все, а единоличное — ничто! Коллективное хозяйствование — это первый шаг к коммунистическому обществу, а значит мы все должны вступить в колхоз! Это — приказ партии, а партия знает, что для крестьянина лучше всего. Другого пути нет.

Проговорив так с час, он в завершение выкрикнул широко употребляемый тогда коммунистический лозунг: "Кто не с нами, тот против нас!" — и под громкие аплодисменты сел на своё место.

Затем выступил партийный секретарь. Он заявил нам, что наше село отстало по темпам коллективизации и хлебозаготовок. А причина этого в том, что селом верховодят враги народа (он назвал их "шакалами"). Вся страна радостно строит социалистическое общество, индустриализуется, коллективизируется, сдаёт хлеб государству и подписывается на государственный заём, участвует в соревновании за скорейшее выполнение планов. А наше село тем временем позволило определённым врагам народа пролезть на ключевые посты и саботировать политику партии. Партия разоблачила их шакальи происки и сурово покарает этих выродков. Слушая всё это, мы сидели безмолвные и оцепеневшие. Нам просто дыхание перехватывало в горле, пока мы ожидали, когда огласят имена этих врагов народа.

Затем к трибуне подошёл "комиссар" от ГПУ. Он начал с того, что долго пересматривал бумаги, которые держал в руках. Наконец, взяв их в одну левую руку, он положил правую на кобуру своего нагана на поясе, уставился на нас и заговорил так:

– Я приехал сюда не речи произносить. Я приехал исполнять свою обязанность. Вы слышали, что сказал товарищ партийный секретарь. Он сказал, что ваше село – в руках врагов народа. Вот я и приехал помочь вам искоренить этих врагов и превратить ваше село в социалистический коллектив.

Тут он остановился и снова полистал бумаги. Затем, прочистил кашлем горло и объявил:

– Согласно достоверным данным, ваше село оказалось в руках крайне отрицательного элемента...

В этом месте он поднял голову, его лицо стало суровым и он крикнул во весь голос:

— Председатель восьмой сотки— выйти вперёд!

Бородатый крестьянин в домотканой свитке поднялся и подошёл к сцене.

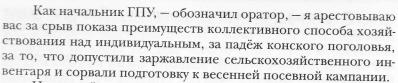
— Именем рабочих и крестьян, именем советского правосудия я арестовываю вас за саботаж выполнения плана коллективизации в вашей сотне! — торжественно произнес "комиссар" от ГПУ.

Бородач растерянно повёл глазами и собрался было что-то сказать, но его никто не слушал. "Товарищ комиссар" продолжал, приказав выйти вперёд председателю второй сотки. Им был Степан Кошмак, которого все соседи терпеть не могли за грубое отношение к людям. Оказалось, что хоть как он ни выслуживался, а его сотня всё же отстала в выполнении государственных планов коллективизации и хлебозаготовок.

"Товарищ Кошмак" тоже пытался что-то сказать, но и ему не дали слова. "Комиссар"-гепеушник вызвал и арестовал ещё две жертвы: председателей третьей и пятой соток.

К великому нашему удивлению, он взял под арест ещё и председателя сельсовета "товарища Пащенко". Я уже вспоминал, что он был партийцем и на этот пост в наше село его назначили парторганизация района и райисполком. А сейчас этого самого Пащенко арестовывают за провал коллективизации в селе! "Комиссар" сказал о Пащенко (уже не называя его "товарищем"), что он использовал своё служебное положение, чтобы сорвать политику партии и правительства в селе.

Ещё больше мы удивились, когда "комиссар" вызвал и "товарища Рябоконя", председателя колхоза, тоже партийца.

На этом "товарищ комиссар" закончил речь и сошёл со сцены. Из боковых дверей рядом со сценой появились два гепеушника. Подойдя быстрыми шагами к арестованным, они вывели их из помещения даже без намёка на сопротивление с их стороны. После этого "товарищ Цейтлин" объявил собрание закрытым. На улице шёл снег и стояла великая стужа.

Через каких-то пару часов, примерно около семи вечера, мы собрались на собрание нашей стохатки. Начальство немного припоздало. Но в его составе был и уполномоченный райпарткома. Такой чести мы "удостоились" за то, что были образцовой стохаткой, в которую "товарищ Цейтлин" любил приводить важных представителей из района.

Собрание началось сразу, как только пришли эти высокие "гости". "Товарищ Хижняк", аж раздуваясь от гордости, призвал собрание к порядку и предоставил слово "товарищу Цейтлину". "Товарищ Цейтлин" представил нам уполномоченного. Он отметил, что присутствие его на собрании следует расценивать как поощрение, на которое мы должны ответить ещё более активным соцсоревнованием за ускорение выполнения планов коллективизации и хлебозаготовки.

К нашему удивлению, уполномоченный почти слово в слово пересказал ещё раз ту же речь, которую мы уже слышали на предыдущем собрании. Затем встал "товарищ Цейтлин" и заявил, что руководить собранием доверяется "товарищу Хижняку". Подсознательно мы чувствовали, что для некоторых из нас приближается роковой час. А "товарищ Хижняк" будто чувствовал себя на седьмом небе оттого, что начальство так его отличило, поручив вести собрание.

Обычно пьяный и циничный, сейчас он был трезв и внешне сдержан, ведь изо всех сил старался показать себя с лучшей стороны. Среди крестьян ходили слухи, что как-то за рюмкой он поспорил с "товарищем Иудой", что раньше станет "комиссаром" райпарткома, чем тот — "комиссаром" ГПУ. Возможно

именно поэтому он так ревностно старался предстать перед ру-ководством не каким-то неотёсанным крестьянином, а образо-

ванным горожанином.

Но как он ни пытался понравиться уполномоченному, ему это было просто не под силу. Во-первых, он чересчур заискивал перед уполномоченным, в этом был главный его просчет. "Товарищ Цейтлин" расценил его поведение как личное оскорбление. Ведь он как тысячник был не кем-нибудь, а представителем Центрального Комитета КП(б)У! Кроме того, едва раскрыв рот, Хижняк совершил вторую ошибку, когда прибегнул к ошибочному политическому жесту: он обратился прежде всего к женщинам! Он-то сказал "товарищи женщины", но назвал их прежде, чем уполномоченного, к которому обратился после них, и перед "товарищем Цейтлиным", которого поместил на третье место. И не удивительно, что "товарищ Цейтлин" вскочил и прер-

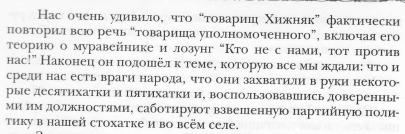
вал Хижняка:

Товарищи! — сердито бросил он. — Как представитель Центрального Комитета, считаю своей обязанностью попра-

вить товарища Хижняка!

И он тоном, полным презрения, объяснил, что с партийной точки зрения обращение к женщинам на первом месте это пережиток прошлого, примета гнилого упадничества. "Великая октябрьская социалистическая революция", дескать, раскрепостила наших женщин и сравняла в правах с мужчинами, так что нет потребности давать им преимущество. Своё короткое замечание "товарищ Цейтлин" закончил выражением надежды, что "товарищ Хижняк" извинится перед собранием за свою ошибку, а на этом сел.

Уполномоченный тем временем сохранял нейтралитет и лишь выпускал изо рта кольца табачного дыма, словно все эти дела его не касались. "Товарищ Хижняк" перевёл взгляд на "товарища Цейтлина", будто моля о милосердии. Тот снисходительно кивнул головой. Тогда Хижняк обратился к собранию и пробормотал извинение. Он выразил сожаление, что усыпил свою большевистскую бдительность, но заверил нас всех, что в дальнейшем уже никогда не допустит этой упаднической буржуазной привычки обращаться сначала к женщинам. После этого он взял лист бумаги и начал читать свое выступление.

Закончив выступление, Хижняк взял со стола другой лист,

заглянул в него и выкрикнул:

— Председатель первой десятихатки, выйти вперёд! Пока несчастный плёлся к столу, Хижняк чеканил слова

приговора:

— Именем трудового советского народа я имею честь арестовать вас за срыв выполнения планов коллективизации и хлебозаготовок в доверенной вам десятихатке!

Таким же образом он взял под стражу ещё шестерых: четырёх председателей десятихаток и двух — пятихаток. Среди них оказался и руководитель нашей пятихатки, который так старательно затягивал нас в колхоз.

Когда прозвучала последняя фамилия, двери широко распахнулись и на пороге встал гепеушник с винтовкой за спиной. Как только "товарищ Хижняк" дочитал список, к арестованным руководителям подошёл исполнитель и показал им на дверь. Они всё ещё проходили цепочкой мимо стола президиума, а "товарищ уполномоченный" докурил свою папиросу и встал, чтобы тоже выйти. "Товарищ Цейтлин" пошёл за ним, оставив закрытие собрания на "товарища Хижняка", что тот поскорее и сделал.

А когда мы вышли наружу, то успели увидеть, как двое саней исчезают в темноте зимней ночи. На первых везли арестованных наших руководителей, во вторых ехало начальство. Утром мы узнали, что такие же аресты были проведены по всему селу. В каждой стохатке арестовали по пять-семь человек. А поскольку всех стохаток насчитывалось восемь, то получалось, что из села за одну ночь забрали свыше пятидесяти душ.

Хоть мы и не сочувствовали большинству арестованных, однако никто и не радовался их несчастью. Этих людей просто

отдали на заклание, как жертвенных баранов. Это было всем понятно. Но означало ли это конец всех чисток? Кому выпадет стать следующим в списке?

Никто не мог предвидеть того, что случилось дальше. Больше, чем полмесяца прошло без каких-либо собраний. И с каждым новым днём, прожитым без них, распространялось все больше слухов, которые противоречили одни другим. Кто-то говорил, что партия и правительство отказались от политики коллективизации и что крестьян теперь уже не будут трогать. Другие говорили, что "товарищ Цейтлин" поехал аж в столицу за новыми указаниями. А ещё кто-то утверждал, что власти дали нам покой на то время, пока не настроят новых тюрем и лагерей для тех, кто и дальше будет отказываться вступать в колхозы.

В селе не стало самых ярых коммунистических активистов и вообще начальства. "Товарища Цейтлина", как оказалось, и вправду вызвали, только в райцентр, но куда делись Хижняк, Хоменко и другие, им подобные, никто не знал. После последнего собрания их в селе не видели. Было ясно как день, что дело идет к чему-то очень важному.

Поговаривали, что сам Сталин недавно что-то такое написал и выступил в защиту крестьян. В своей статье "Головокружение от успехов" он раскритиковал низовых партийных начальничков и активистов за чрезмерное рвение в проведении коллективизации. Ходили слухи, что он приказал замедлить темпы коллективизации и даже разрешил выписываться назад из колхозов, если кто этого хотел. Трудно было поверить таким разговорам, ведь совсем недавно нам говорили на собрании, что Сталин решил завершить программу принудительной коллективизации к Первому мая, какие бы человеческие и материальные жертвы при этом не потребовались. Знали мы и то, что это Сталин провозгласил ликвидацию кулачества как класса. В соответствии с этой линией правительство приняло закон, который давал право выгонять кулаков из их сёл и отправлять в ссылку. Возможно ли, чтобы он так быстро изменил мнение?

Находилось в селе много и таких, которые не верили никаким слухам и ожидали худшего. Но общая ненависть к коллективизации и партийным приспешникам была так велика, что большинство людей охотно обманывали себя и принимали эти

слухи за чистую правду. В целом же это невесть откуда распространенное известие вызывало у крестьян страх и раздражение.

— Куда эти разбойники делись? — спрашивали люди друг у друга, а то и восклицали: Лишь бы только нам попались эти проклятые разбойники! Или: Заберем своих коней и коров назад из этого проклятого колхоза!

Раньше и пискнуть что-то подобное не смели, а теперь стали так выражаться почти на каждом шагу. Крестьяне готовы были бороться за своё добро и даже убивать, если припечёт. И действительно, через несколько дней мы увидели два пожара вдали, на противоположном конце села. Позже мы узнали, что это был сожжен дотла штаб седьмой стохатки. Дальше пошли новости о нападении крестьян на хаты активистов и сельского начальства. Говорили также, что кто-то пробовал поджечь сельсовет, что разбили окна в сельском клубе, что перерезали телефонную линию в райцентр и что при этом исчезло больше километра проводов.

Наконец однажды ночью произошло и первое убийство: кто-то устроил засаду на "товарища Иуду" и убил его. Любознательный, как все подростки, я сбегал туда, где нашли его тело. Оно ещё было там. Убитый лежал в неглубоком рву над главной сельской улицей. Его священническая борода была опалена, а лицо сильно обожжено. Поповская ряса, которую он носил до конца, куда-то уже делась. На груди у него виднелся кусок газетной бумаги с надписью большими кривыми буквами:

"СОБАКЕ СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ!"

В конце марта 1930 года мы, наконец, дождались приказа явиться на собрание нашей стохатки. Помещение, где оно должно было проводиться, было украшено как обычно: на передней стене красовался красный флаг, с потолка свисал красный транспарант с призывом "Смерть врагам народа!", а внизу красным полотном была обмотана трибуна и им же застелен стол президиума. В назначенный час в дверях появился какой-то приезжий в сопровождении одного из сельсовета. Разговоры и гул стихли. Член сельсовета вынул лист бумаги из на-

грудного кармана, вышел на самодельную трибуну и призвал к вниманию.

— Прежде чем перейти к повестке дня, — с усилием прочитал он, — я хочу представить вам представителя нашего райпарткома, товарища Рымаренко...

Присутствующие восприняли эту новость как-то непочтительно. Кто-то даже фыркнул, а некоторые женщины начали хихикать. Но это продолжалось недолго, и вскоре вновь установилась тишина. Партийный представитель был уязвлён тем, как его встретили, и не скрывал своего раздражения. Сначала он осматривал комнату, будто искал союзников в ней, а потом развёл руками с выражением разочарования на лице.

— Так вы встречаете представителя своего райпарткома? — спросил он тихо. Потом на мгновение замолчал и перевёл взгляд на свои сапоги, будто взвешивая про себя, чем бы донять своих обидчиков. Затем встрепенулся и произнёс холодным на-

дрывным голосом:

— Как партийный представитель, я не позволю здесь глумиться над коммунистической партией! — И вновь на мгновение замолчал, уставившись в аудиторию гипнотическим взглядом. — Эти ваши смешки и ржание, — продолжал он, — очень известный прием из арсенала врагов народа, направленный на срыв конструктивного делового собрания советских патриотов...

Для нас уже давно не было ничего нового в такой болтовне, но мы не ожидали услышать ее именно на этом вечернем собрании. Ведь мы пришли сюда, полные решимости бороться за свои права и надежды, что будем свидетелями банкротства наших сельских партийцев и услышим провозглашение нового политического курса — какого угодно курса, лишь бы не на коллективизацию! А вместо этого мы увидели какого-то незнакомца, который попёр на нас рогами ещё до того, как мы узнали, кто он такой! Это было уже слишком. В комнате началась настоящая суматоха: все одновременно заговорили и закричали один громче другого, кто-то даже ногами затопал позади меня.

Но райпарткомовец лишь на мгновение будто растерялся от такого взрыва. Он молча стоял над столом, уставившись глазами вниз и нервно кругя карандаш. Вдруг резко поднял голову

и властным голосом перекрыл гам:

— Ану, хватит уже! — рявкнул он. Куда и делось нервное напряжение, его голос звучал самоуверенно. — Я выступаю здесь по прямому приказу районной партийной организации. Каждый, кто мешает собранию, — тот против политики партии! Каждый, кто оскорбляет меня, — тот оскорбляет партию, поскольку я здесь представляю партию, нравится это вам или нет

скольку я здесь представляю партию, нравится это вам или нет! Слова его были острыми как бритва. Мы поняли суть этих слов. Повисла мёртвая, гнетущая тишина. Это было жуткое мгновение для нас. Наша надежда на какую-нибудь перемену

развеялась.

Чтобы как-то выйти из этого тяжёлого положения, член сельсовета торопливо взялся улаживать процедурные формальности. Он предложил, как это было заведено, избрать председателя собрания и секретаря — вести протокол. Но желающих на эти почётные роли не нашлось — все, будто сговорившись, притихли, и никто не выдвигал кандидатур на председателя, который должен был вести собрание. Дело приобретало непредвиденный и нежелательный оборот.

Представитель райпарткома продолжал стоять перед людьми, поигрывая карандашиком в руке и время от времени бросая раздражённый взгляд на сельсоветчика, будто укоряя его за неспособность управиться с народом. Убедившись, что ситуация становится ещё более критической, он сделал шаг вперёд. Как и пред тем, он поднял вверх руки и развёл ими в воздухе (этот жест, казалось, был характерным для него), а потом уставился на нас пронзительным взглядом и многозначительно заметил тихим голосом:

— Ещё ни разу не было так, чтобы тот, кто выступал против меня, не пожалел об этом рано или поздно. — Он помолчал, присматриваясь к лицам, чтобы убедиться, какое впечатление производят его слова, а потом продолжил:

— Это касается также и вас, даже если вы игнорируете тот факт, что я представитель коммунистической партии. — И прибавил так же тихо, но подчёркивая каждое слово: — Каждый — я повторяю: каждый, кто выступает против партии, — заслуживает беспощадного уничтожения!

Его слова произвели должное впечатление. Повисла мёртвая тишина. Никто не смеялся, не говорил. Все будто онеме-

ли, не имея возможности и боясь выразить хотя бы намёк на

— Эти ваши люди, — обратился он вроде к своему соседу за столом президиума, но достаточно громко, чтобы его услышали все присутствующие, — эти ваши люди или не доросли до этого, или просто не хотят использовать блага демократии, которые им даёт коммунистическая партия.

Он молча выждал, не откликнется ли кто на его замечание. Но смельчака не нашлось. Все притихли, будто дети перед самовластным отцом, и только неотрывно смотрели на него.

Представитель райпарткома прочистил горло:

— Товарищ, переходите к повестке дня без лишних формальностей, — приказал он сельсоветчику, который теперь сам должен был вести собрание, без избранного председателя и секретаря. Сельсоветчик так и поступил. Мгновение помедлив, он объявил, что слово имеет "товарищ представитель райпарт-

кома". А тот уже шёл к трибуне.

Как уже было сказано, этот "товарищ представитель" был чужим в нашем селе. Мы не знали ни кто он, ни кем работает. Видно было только, что он не один из нас, крестьян, но также и не рабочий. Это был явный горожанин, как и все прочие, заезжие в наше село: чисто выбритый, откормленный, прилично, по моему тогдашнему представлению, одетый. Нетрудно было заметить, что он обижался на нас, будто это мы были виноваты, что он застрял в нашем селе. Когда он встал за трибуну, поднял голову и начал говорить, я смог лучше рассмотреть его физиономию. Я увидел, что у него был довольно большой нос и рот с тонкими губами, которыми он беспрестанно двигал, буд-

то дожёвывая что-то вкусное.

Судя по агрессивной тактике, к которой с самого начала прибег "товарищ представитель", нечего было и надеяться услышать от него что-нибудь приятное для себя. Но нет! Как только он заговорил, мы просто ушам своим не поверили! Тот ли это человек, который вот так разговаривал с нами несколько минут назад? Ну и чудеса! Он совершенно изменился, словно хамелеон. И голос у него стал бархатный и тёплый, и манера держаться сделалась более скромной — он даже время от времени нам улыбался.

Сначала он говорил такими абстрактными словами, что нам было тяжело понять его. В общих словах, насколько я теперь припоминаю, это было что-то на тему несовершенства человека как такового, способного и легко ошибаться. Несколько раз он повторял аксиомы, дескать, человеку свойственно ошибаться, так что век живи — век учись. Он призвал нас относиться с пониманием к тем, кто ошибся, и проявлять великодушие к тем, кто в нём нуждается. Всё это звучало совсем как церковная проповедь, и понемногу мы начали догадываться, к чему он клонит. Чем дольше он говорил, тем всё более мы убеждались, что те слухи о статье Сталина были всё-таки правдивыми. Вскоре он и сам сказал нам об этом.

— Довольно много важных событий произошло недавно, — сказал он дальше. — Некоторые из них хорошие, а некоторые и не очень.

При этом он начал пространно говорить о недавних хороших событиях, повторяя фразы, которые мы знали уже наизусть. А потом, переведя голос в низший реестр, начал изобличать то, что он назвал "не очень хорошим". Вот здесь он впервые упомянул имя Сталина и его статью "Головокружение от успехов". Собственно, он просто сказал нам, что сейчас её прочтёт, и так и сделал. Читал он её медленно, слово за словом, будто боялся упустить хоть одно предложение.

Слушая статью Сталина, мы узнали, что коллективизация прошла чрезвычайно успешно; что более пятидесяти процентов крестьян в Советском Союзе коллективизированы. Это означало, что пятилетний план коллективизации сельского хозяйства был перевыполнен вдвое. Но дальше, к нашему удивлению, мы услышали, что все эти успехи никакие не успехи, поскольку их достигли ценой искривления партийной линии, когда нарушалась установка на добровольную коллективизацию и применялись методы принуждения. Вследствие этого иногда в разряд кулаков попадали середняки, а то и бедняки. Партийные работники на местах применяли к ним грубые и даже уголовные методы. Крестьян терроризировали грабежами, конфискацией имущества, арестами. Имели место случаи принудительного обобществления жилых помещений и мелкой живности, как то коз, овец, свиней и домашней птицы. Из-

за таких грабежей дискредитировалась сама идея колхозного строя, и у крестьян пропала всякая охота вступать в коллективные хозяйства.

Мы слушали эти слова с большим вниманием, ведь всё наше существование зависело от них. Ни одна душа не смела пошевелиться или произнести хотя бы звук.

Наконец представитель райпарткома дочитал статью до

Наконец представитель райпарткома дочитал статью до конца. Не взглянув на нас, он вынул носовой платок и начал вытирать пот со лба. Делал он это медленно, будто пытаясь выиграть время или придумать, что делать дальше. Так и не одарив нас ни единым взглядом, он объявил, что сейчас зачитает постановление Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Позже я установил, что этот документ был напечатан в газете "Правда" 15 марта 1930 года. Из него мы узнали, что партия решила покончить с принудительными методами коллективизации, прекратить обобществление крестьянских жилищ и мелких домашних животных и провести расследование осуществляемых методов раскулачивания.

Нам было трудно поверить в то, что мы слышали. Опять настало великое замешательство. Правда ли то, что говорится в статье и в постановлении? А что, если это только штучка такая, провокация? Ведь могло быть и такое. Ещё вчера эти же самые партийные активисты творили всякое насилие, какое только знали или могли придумать, лишь бы загнать нас в колхоз. Нас уверяли, что Центральный Комитет дал приказ любой ценой обобществить всех нас к Первому мая! Не один из наших односельчан заплатил жизнью за сопротивление этому необузданному давлению. Тысячи и тысячи других заклеймили как кулаков, выгнали из их хат и заслали в далёкие концентрационные лагеря. А большинство из нас вступили в колхоз только потому, что это был единственный способ спасти жизнь.

А теперь Центральный Комитет говорит нам, что это бы

А теперь Центральный Комитет говорит нам, что это была ошибка, что это местные власти виновны в таких переборах, потому что они перестарались и искривили партийную линию. Так где же правда? На ком в конце концов лежит вина за то, что нас лишили свободы, за тысячи смертей, за разрушение всего нашего образа жизни?